

Содержание

ЧЕРТОВА КУКЛА.

Жизнеописание в 33-х главах

Глава первая. ЮРУЛЯ	7
Глава вторая. ПО-СТУДЕНЧЕСКИ	12
Глава третья. ШИКАРНЫЕ ЦВЕТЫ	15
Глава четвертая. НА КОШАЧЬЕЙ ЛЕСТНИЦЕ	16
Глава пятая. ПЛЕННИК	19
Глава шестая. РАЗНООБРАЗИЕ ЛЮБВЕЙ	24
Глава седьмая. СОЛОМА НА БАШМАКЕ	35
Глава восьмая. БАЙ-БАЙ	38
Глава девятая. СИМПОЗИОН	41
Глава десятая. НА ФОНТАНКЕ	50
Глава одиннадцатая. ФРАНЦУЖЕНКА	57
Глава двенадцатая. ЗАБАВА	61
Глава тринадцатая. СВИДАНИЕ	65
Глава четырнадцатая. В ЧЕМ ГРЕХ	68
Глава пятнадцатая. САШИНЫ ДЕЛА	70
Глава шестнадцатая. САМОУБИЙЦА	73
Глава семнадцатая. ПОРТНИХА	76
Глава восемнадцатая. ОБЩИЕ МЕСТА	80
Глава девятнадцатая. ПРИГОВОР	85
Глава двадцатая. ЧЕРТОВА КУКЛА	87
Глава двадцать первая. СЛУЧАЙ С ВЫСТРЕЛОМ	106
Глава двадцать вторая. КОПЫТА ПО КРЫШЕ	112
Глава двадцать третья. ТРОЕБРАТСТВО	124
Глава двадцать четвертая. ЧЕРНЫЕ УЛЫБКИ	135
Глава двадцать пятая. ДЕТСКАЯ ЗАТЕЯ	138
Глава двадцать шестая. МОЛЧАНИЯ	144
Глава двадцать седьмая. НЕПОЛУЧЕННОЕ ПИСЬМО	151
Глава двадцать восьмая. КАЮК	152
Глава двадцать девятая. МОРЕ СОЛЕНОЕ И МОРЕ ЗЕЛЕНОЕ	163
Глава тридцатая. ЯВНОЕ И ТАЙНОЕ	171
Глава тридцать первая. ВОКЗАЛЬНЫЕ ЛЮДИ	181
Глава тридцать вторая. КРАСНЫЙ ДОМИК	190
Глава тридцать третья. ЧЕРЕПКИ	201

РОМАН-ЦАРЕВИЧ.

История одного начинания

Глава первая. В БУРЕ И ГРОЗЕ	211
Глава вторая. СТРОЙКА	215
Глава третья. К ЖЕНИХУ-БОГОМОЛЬЦУ	222
Глава четвертая. ВРАГ ИЛИ ДРУГ?	227
Глава пятая. МУДРЫЙ ОБМАН	233
Глава шестая. МУЖИЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ	235
Глава седьмая. МУЖИЧИЙ БАЛ	242
Глава восьмая. ОТЕЦ ВАРСИС	247
Глава девятая. ДОБРЫЙ СТАРИЧОК	254
Глава десятая. ЧИСТЫЙ	261
Глава одиннадцатая. ЛЮБОВЬ — ЗЛА	266
Глава двенадцатая. БРАТ	272
Глава тринадцатая. ПРЕДЛОЖЕНИЕ	277
Глава четырнадцатая. ХУТОР ПЧЕЛИНЫЙ	282
Глава пятнадцатая. ТАМ И ЗДЕСЬ	291
Глава шестнадцатая. РАЗНЫЕ БУМАЖКИ	304
Глава семнадцатая. СТАРИКИ	309
Глава восемнадцатая. ДАЧА С БАШНЕЙ	316
Глава девятнадцатая. SALVAIRE	321
Глава двадцатая. ВВЫСЬ	326
Глава двадцать первая. БЛАЖЕННЫЙ БАЛАГАН	332
Глава двадцать вторая. СПЕШКА	345
Глава двадцать третья. ДЕВСТВЕННИКИ	348
Глава двадцать четвертая. «OUI»	358
Глава двадцать пятая. КРЕПКИЕ ЛЮДИ	369
Глава двадцать шестая. «ПОСТРАДАВШИЕ»	376
Глава двадцать седьмая. СВИДАНИЕ	386
Глава двадцать восьмая. БАРОН	394
Глава двадцать девятая. ДВА МОНАРХА	403
Глава тридцатая. ПЕРЕД СВАДЬБОЙ	409
Глава тридцать первая. «ОТ КАМЕНИ ЧЕСТНА»	417
Глава тридцать вторая. ДО ДНА	424
Глава тридцать третья. ПРОГРЕСС И ЭКСЦЕСС	432
Глава тридцать четвертая. ЕДИНАЯ ВЛАСТЬ	449
Глава тридцать пятая. ПОТОМ СКАЖУ	452
Глава тридцать шестая. ВМЕСТЕ	458
Глава тридцать седьмая. ЧЕРТ	463
Глава тридцать восьмая. НАЧАЛО НОВОГО	467
Глава тридцать девятая. ЗОЛОТЫЕ ЦВЕТЫ	474

Глава первая

ЮРЮЛЯ

Они чуть не столкнулись — оба шли так быстро. Подняли друг на друга глаза. Девушка, одетая скромно, даже бедно, первая заговорила:

— Здравствуйте. Вы ли?

— Наташа! Я бы и не узнал. Ну, да ведь так давно не видались.

— Давно... правда... Вы — точно вчера это было. Точно вам семнадцать лет.

— Тем лучше. А мне ведь уже за двадцать. Вы здесь живете, в Париже?

Наташа после первого движения как будто раскаялась, что окликнула его. Сказала неопределенно:

— Да... Вот и встретились. Может, еще встретимся, Двоекуров. А теперь я...

— Хотите проститься? Как хотите. Я не стал бы искать вас, Наташа, говорю по правде. Но уж встретились, так поболтаем. Я забыл и вас, и Михаила, и других, и себя немножко, какой я был тогда с вами. Просто забыл, не думал, о своем сегодняшнем думал. А вот случайность — встретил вас и с удовольствием вспоминаю. Зачем же отталкивать приятную случайность?

Он говорил и улыбался. Изумительная улыбка: сияющая и умная.

Наташа тоже улыбнулась невольно.

— Я уезжаю опять в Россию, — продолжал он. — Теперь уж надолго, верно. Пожалуй, больше и не увидимся.

— В Россию? — задумчиво сказала Наташа.

Они медленно шли вместе по широкому тротуару. Малонарядная и молодая толпа большого бульвара, близкого к Сорбонне, такая живая в этот час, толкала их. Зимние, бледные парижские сумерки свисали с неба.

— Так что же, Наташа? Простимся?

Она еще помолчала.

— Нет, все равно. Пойдемте, посидим. Вот хоть в Люксембурге.

И двинулась вперед, через улицу, к решетке сада.

Холодный, зелено-алый ранний закат над серыми тенями деревьев. Холодный стук голых веток, — стук косяшек. Точно поздняя ночь мая под Петербургом.

— Расскажите о себе, — сказала Наташа, вздрагивая от холода.

Они сели на скамейку недалеко от бассейна.

— Да я все тот же. Здесь занимался химией...

— Химией? — удивилась она.

— Да, да... А вы, верно, вспомнили, что я прежде в Германии изучал философию? Химия удобнее, как я распустил. Что до философии — довольно мне и своей. Ну, да это скучный разговор. Химия, так химия — не все ли вам равно? Уж я знаю, что для меня лучше.

— И едете в Россию?

— Да. Надо с петербургским университетом развязаться. И хочется пожить в Петербурге. Вы здесь одна, Наташа? А Михаил? А... Кто там еще? Где они?

Наташа помолчала.

— Не знаю... — промолвила она неопределенно.

— Не хотите говорить? Ну, не надо. Я ведь не любопытен. Для меня и они, и вы, Наташа, — прошлое. Милое, приятное, живое прошлое, оттого я и хотел вспомнить его. Но смотрю на вас и думаю, не уйти ли. Лицо у вас грустное, неприятное.

— Подождите. Это я по привычке бояться всех так говорю с вами, Юруля. А вас нечего бояться, вы — счастливый.

— Я счастливый, — сказал он просто.

— И вы не лжете.

— Нет, непременно лгу, когда нужно. Непременно. Но только, когда нужно.

Наташа встала.

— Милый Юруля, сейчас никакой радости вам разговор со мной не даст. Лучше простимся. Только вот что: вы едете в Петербург? Отыщите там брата. Я завтра утром вам для него маленький пакет пришлю. Хорошо? Где вы живете?

Юруля тоже встал. Он был тонкий, крепкий, высокий, как молодая елка.

— Я живу недалеко, Наташа, но пакета вы мне, пожалуйста, и не присылайте. Не буду искать Михаила. Он мне не нужен. Не огорчайтесь, милая, мне будет больно. Я говорю точно, как думаю, как чувствую. Если я нужен Михаилу — он меня разыщет, и я бегать от него не стану. Поймите, что мне сейчас за радость искать Михаила, что мне передавать, везти этот пакет? Это дело чужое, а чужие дела я забываю, плохо исполняю. Не сердитесь, милая.

Наташа засмеялась. Опять села. Вдруг вспомнила его, — такого, каким знала когда-то, не вполне похожего на других людей, ее окружавших. Вспомнила, что ей всегда весело было, любопытно смотреть на него, слушать, что он говорит. Любили его все, неизвестно за что; но Наташа не столько любила, сколько приглядывалась. Потом забылось. Уж очень много с тех пор пережито.

— Вы смеетесь? Не сердитесь?

— Нет, нет. Ну, какая я глупая. Я с вами встретилась, точно не с вами. Не надо никакого пакета. Я к весне тоже приеду в Петербург. Захочется мне или Михаилу — найдем вас.

— Вот это отлично! Вот теперь легко с вами стало... Нет, впрочем, не так, как прежде. У вас лицо измученное. Ах, Наташа! Зачем? Я ведь знаю. И вас, и Михаила.

— Что знаете?

Юрий молчал. Ему не хотелось говорить. Стало скучно. Рассказывать он любил, рассуждать избегал. Через две минуты после встречи с Наташей он, припомнив ее и ее брата, уже представил себе с ясностью, какие они должны быть теперь, если учесть все с тех пор. Стоит ли говорить?

— Михаил прежний, — сказала Наташа.

— Ну, да, да. Может, и не прежний, а живет по-прежнему, из долга. Пленник.

— Что же делать? Как жить? — тихо сказала Наташа.

— Ах, не знаю... Я другим не советчик. Просто живите, вер никаких не ищите. Вы — скептик, Наташа, но темный скептик, а не светлый. Вы никогда ни во что не верили, но злились за это на себя. Бедная вы, бедная!

Он с нежной жалостью глядел на нее.

— Прощайте, милая. Ну, ничего, вы все-таки по-своему гармоничная, ничего.

Он уже спешил уйти. Уже не хотелось и вспоминать какая она невеселая... И нарастала досада, было неприятно.

— Вот вы меня жалеете, — сказала Наташа, — а я вам часто завидовала. Михаил — тот нет. А Кнорр бранил и завидовал.

— Что же? — сказал Двоекуров. — Я счастливый, потому что так хочу, так сам выбрал. Будь у них немножко больше соображения и заботы...

— О себе? — подсказала Наташа.

— О ком же?

Наташа смотрела на него задумчиво. Не уходила. Кажется, не думала о том, что он говорил. У нее яркие глаза, яркие и светлые, точно пустые.

— Хесю помните, Юруля? — сказала она вдруг.

Он сдвинул брови. Сияющая красота его вдруг потемнела.

— Какая у вас жадность вспоминать неприятное? Я с досадой вспоминаю Хесю! Я совсем не хотел ее любви. Нисколько она мне не нравилась. А впрочем, до вас это не касается. Нет, Наташа, я каюсь, что начал разговор с вами. Вы не умеете вспоминать, не умеете радоваться, не умеете жить. Мне с вами скучно и досадно.

Он повернулся было, чтоб уйти, но остановился и ласково положил ей руку на плечо.

— Не будем ссориться, я не хочу. Вы все для меня — милое, хорошее прошлое, кусок жизни. Как я рад, что тогда столкнулся с вами! Помните, какое было время? И какие все тогда были живые, молодые, веселые...

— Верующие... — тихо сказала Наташа.

— Пустое! Моя вера и тогда была та же, что и теперь, а я был с вами. И разве я что-нибудь скрывал от вас? Говорил громкие слова, поддерживал ваши идеи? Разве обманывал вас даже тогда, когда мы вместе в Москве сидели, когда ни за один день отвечать нельзя было, когда я ваши поручения исполнял, а вы, случалось, мои? Разве я старался уверить вас, что я ваш, что по гроб жизни буду заниматься революцией, что думаю, как вы...

— Тогда было не до рассуждений...

— Да, а я все-таки уловил минуту и сказал вам и Михаилу правду. Сказал, что я не ваш, а свой. Делаю ваше дело потому, что мне оно сейчас приятно, увлекательно, нравится, — и должно оно нравиться молодости. Без этого, если б я тогда со стороны глядел, а не жил, — молодость была бы не полна, ну, и жизнь, значит, не полна. Вы это помните все.

— Помню, помню, — сказала Наташа грустно. — Что ж, вы правы. Но и Хесю не виновата, если ничему этому не поверила, полюбила вас по-своему.

Двоекуров нетерпеливо пожал плечами. Хотел было сказать, что да, не виновата и что все это не важно. Не сказал именно от ощущения неважности и скучной досады.

— Сейчас запрут решетку, пора, простите, — спохватилась Наташа. — Я ухожу... И... все равно, — прибавила она решительно, — я рада, что встретила вас; будьте, каким вы есть, если нельзя иначе. Будьте счастливы.

— Буду, буду!

Он, улыбаясь, крепко пожал ей руку и долго смотрел вслед.

Она пошла от него, серая в серых сумерках. И вся стройная, благородная, несмотря на скромную одежду, точно переодетая принцесса.

Юрий вышел на бульвар, где теперь горели огни и толпа переливалась синим и желтым.

«Наташа скорее бы понравилась мне, чем Хesia, — думал Двоекуров. — В ней своя гармония... или дисгармония какая-то. Это привлекательно. Да вот в голову отчего-то не пришло...»

— Oh, le joli garçon!¹ — крикнула ему, не останавливаясь, веселая «кофейная девочка» и блеснула глазами.

Юрeля привычно улыбнулся ей, но прошел мимо, вперед, все еще думая о Наташе, переставая думать о ней понемногу.

Глава вторая ПО-СТУДЕНЧЕСКИ

У старого сенатора, Николая Юрьевича Двоекурова, опустившееся, бритое лицо, бессильно злые глаза и подагра. Подагра серьезная, он все время почти не вставал с кресел, давно уже не выезжал.

Его забыли. Он это понимал. От злобы и от скуки он все что-то писал у себя, не то мемуары, не то какие-то записки, и не хотел даже завести секретаря.

Он был скуп и беден, зол и одинок. К нему, на его половину, случалось, никто не заходил целый день, кроме дочери Литты.

¹ О, что за хорошенький мальчик! (фр.)

Эта «половина», отведенная ему графиней-тещей, была особенно мрачна; и некрасива, несмотря на молчаливую торжественность высоких потолков и темной, старой, тяжелой мебели.

Шестнадцатилетняя Литта жила при графине-бабушке. Старуха завладела девочкой сразу, как только умерла ее дочь. Не прощала внучке, что она — Двоекурова, но ведь все-таки это дочь ее несчастной дочери. Пусть, по крайней мере, девочка получит надлежащее воспитание.

К зятю, Николаю Юрьевичу, закаменевшая старуха питала спокойное и даже мало объяснимое отвращение. Не видались они по месяцам.

Но удивительно: Юрия, сына Николая Юрьевича от первого брака, старая графиня с годами все больше и больше миловала. Оттого ли, что мать его, как она знала, тоже была, хоть и бедная, но «хорошо рожденная» (удается же этаким «Двоекуровым!»), оттого ли, что сам он ей весь нравился, — она благосклонно говорила с ним и даже верила ему.

— Décidément, ma petite, c'est un garçon très bien élevé¹, — говорила она после каждой аудиенции и трясла головой. Нравился Юрий.

Литта краснела от удовольствия. Еще бы не нравился! Кому это он может не нравиться!

Случилось, что ни отцу, ни тем менее графине, не пришло в голову ни разу ограничить в чем-нибудь свободу Юрия. Он взял ее сам, просто, как неотъемлемую собственность. Мало того, с семнадцати лет никому даже и не рассказывал, что делает, куда уходит, куда уезжает. Денег никогда не просил, что графиня ценила, а отец принимал, как должное, не заботясь, хватает ли ему положенных ста рублей.

¹ Определенно, малышка, он очень воспитанный мальчик (фр.).

Впрочем, на первую поездку за границу, в Германию, и на вторую, в Париж, отец дал какие-то лишние гроши, и графиня прибавила без просьбы.

В конце зимы Юрий вернулся из Парижа и тотчас же объявил дома, что взял себе для занятий комнату на Васильевском острове. Он не переезжает, — только не всегда будет дома ночевать, вот и все.

Отец ничего не сказал, графиня приняла просто, Литта огорчилась, но втайне. И так оно и пошло.

— У тебя отличная комната, настоящая студенческая, — говорил Левкович грустно. — Только вот никогда тебя не застанешь. И дома у тебя бывал, — нету. Сюда третий раз прихожу, разузнал адрес.

— А тебе нужно что-нибудь?

— Да нет, я так. Ведь подумай, с тех пор, как ты вернулся, всего второй раз тебя вижу.

Комната, может быть, и отличная, но тесноватая. В углу длинный стол занят какими-то банками и склянками. Юрий, в тужурке, лежит на клеенчатом диване и курит тонкую папироску. Левкович снял шашку, но все-таки неловко теснится на стуле, поджимая ноги.

— Химия? — спрашивает он, косясь на склянки.

— Да... Ну, здесь это так. Здесь разве серьезно можно заниматься.

Левкович — троюродный брат Юрия. Ему под тридцать. Он ни дурен, ни красив. Если Юруля смахивает на узкую flûte¹ для шампанского, то Левкович, рядом с ним, похож не на стакан, а на большую, обыкновенную рюмку из толстого стекла, с коротковатой ножкой.

В лице что-то ребячески простое, незамысловатое. Не глупое, а именно простое. Такие люди умеют честно и сильно влюбляться.

Левкович — офицер. Но будь он лавочником, почтальоном, чиновником — это изменило бы его язык, его привычки и отнюдь не его самого.

¹ Здесь: фужер (фр.).